

Лю Чжэчжи был странным.

Он постоянно делал и думал что-то странное. Мо Янь не знал, было ли это результатом его социофобии и долгого одиночества, и теперь он просто отрывался на своём единственном друге и питомце. Он просто считал его сумасшедшим.

Если бы он не был сумасшедшим, зачем бы нормальному человеку захотелось узнать, каково это — кусать змеиный язык?

И он ведь действительно укусил!

Лишённый сил, время от времени ведущий себя как сумасшедший, неспособный защитить себя, окружённый в секте коварными интриганам, да ещё и с таким лицом...

Мо Янь привык к жизни в Царстве Демонов и видел немало красавиц, чья жизнь была коротка. Первое, что пришло ему в голову, — Лю Чжэчжи в его нынешнем состоянии, кем бы он ни был пойман, станет идеальным человеком-сосудом для совершенствования.

Хоть он и был мужчиной, но праведники любили изощрённые развлечения. Раньше он был Бессмертным Владыкой Чжэчжи. Лишившись сил, он всё ещё обладал божественной душой, которую можно было поглотить. К тому же... и его тело, и его лицо были невероятно красивы.

На самом деле, праведный путь был не безопаснее Царства Демонов. Разница между добром и злом была лишь в том, что праведники творили зло тайно, умело скрывая свои деяния и обеляя себя словами, в то время как демоны не утруждали себя такими сложностями — что сделано, то сделано, они никогда не скрывались.

В конце концов, Секта Цянькунь тоже была местом, где пожирали людей, просто делали это более скрытно.

Значит, Лю Чжэчжи здесь рано или поздно раскроют, схватят и превратят в человека-сосуда, что хуже смерти.

В голове Мо Яня мелькнула мысль.

Раз уж Лю Чжэчжи здесь всё равно не выжить, лучше уж ему отправиться со мной в Царство Демонов. По крайней мере, я сделаю его лишь своим слугой, отомщу за прошлое, но не стану использовать как человека-сосуда.

Раньше он думал забрать Лю Чжэчжи в Царство Демонов при условии, что тот будет хорошо

ему служить и лечить его раны, и лишь в хорошем настроении он, так и быть, поможет ему. Но теперь он решил твёрдо: забрать его нужно в любом случае.

Как-никак, они были известными в Шести мирах заклятыми врагами. Его заклятого врага может мучить только он. Если его будет унижать кто-то другой, это же будет пощёчиной ему.

Чем больше он думал, тем логичнее это казалось. Мо Янь уже начал придумывать, как будет мучить Лю Чжэчжи.

Он же стирает мной одежду? Когда прибудем в Царство Демонов, заставлю его каждый день стирать мне одежду!

Если не отстирает, подвешу его, завяжу в бант и тоже заставлю качаться вниз головой!

— Змейка? — он так долго не двигался, что Лю Чжэчжи с любопытством спросил: — Тебе не интересно?

Что не интересно?

Мо Янь не понял его. Не успел он опомниться, как его язык лизнули.

Это был язык Лю Чжэчжи.

Ты... Лю Чжэчжи, что ты, чёрт возьми, делаешь!

Мо Янь был так потрясён, что его чешуя встала дыбом.

Это же хуже, чем укусы! Чем это отличается от поцелуя!

Я, чёрт возьми, ещё больше осквернён! Лю Чжэчжи, ты не человек! Разве честь демона — не честь?!

— Змейка, почему ты дрожишь? — стоило ему лизнуть, как всё его тело задрожало. Лю Чжэчжи вошёл во вкус и, держа его за язык, чтобы тот не убрал его, принялся раз за разом проводить по нему своим.

Это действительно было похоже на поведение сумасшедшего. Лю Чжэчжи и сам это понимал. Но он был на пороге смерти, и у него наконец появился кто-то, с кем можно было играть. Конечно, он делал всё, что ему взбрёт в голову.

Когда он наигрался, Мо Янь, даже когда его отпустили, так и не смог закрыть рот. Его язык

безвольно свисал, а он лежал на столе, закатив глаза от негодования.

Хорошо, очень хорошо. Лю Чжэчжи, жди. Когда я заберу тебя в Царство Демонов, я с тобой сделаю то же самое!

Язык тебе до крови сотру!

Так они и жили: один, отрываясь на полную катушку, играл, как хотел, но в серьёзные моменты усердно учил его самосовершенствованию; другой, кипя от злости и затаив обиду, был вынужден читать и писать. Дни их проходили в перепалках, но в то же время были наполнены каким-то странным умиротворением.

Но, к несчастью, хоть Лю Чжэчжи и лишился сил, его пространственное кольцо осталось при нём. А значит, его не могли просто так оставить в покое. Спокойные дни были нарушены жадными людьми.

Через три дня пришли Бай Цю и Дуань Чэнцян. Лю Чжэчжи как раз, держа змею за голову, учил Мо Яня писать ртом. Почувствовав их приближение, он тут же надел маску, делая вид, что упражняется в каллиграфии, и снова сунул Мо Яня за пазуху.

После прошлого раза он, прежде чем они вошли, специально предупредил:

— Змейка, даже если проголодаешься, потерпи. Не кусайся. Когда они уйдут, я накормлю тебя кровью.

Мо Янь мысленно усмехнулся.

Мечтай. Сказал «не кусайся» — и я послушаюсь?

Ты меня несколько дней чуть до смерти не заиграл, а я теперь должен терпеть? Я обоих укушу!

Не успели они войти, как он впился зубами в левую грудь Лю Чжэчжи. То самое чувство, одновременно болезненное и щекотное, вернулось. Лю Чжэчжи, беспомощно вздохнул и через одежду легонько постучал змею по голове в знак предупреждения.

Хоть это и было интимное место, но это была всего лишь маленькая змейка. Лю Чжэчжи, зная, что у него нет злых намерений, не стал придавать этому большого значения.

Главное — разобраться с наставником и младшим братом-учеником.

— Чжэчжи, — голос Дуань Чэнцяня раздался ещё до того, как он появился, и был полон

строгoго укора. — Наставник пришёл, а ты даже не вышел поприветствовать. Разве я так тебя учил?

Он прекрасно знал, что Лю Чжэчжи слаб, но всё равно упрекал его за несоблюдение формальностей. Явно искал повод для придинок.

Мо Янь так разозлился, что разжал челюсти и снова принялся мысленно проклинать этого старика.

Но, к его сожалению, Лю Чжэчжи был бесхребетным. Он действительно вышел им навстречу и поклонился Дуань Чэнцяню.

Он молчал, как всегда, но поклон был исполнен в соответствии со всеми правилами. Дуань Чэнцянь не велел ему вставать, и он так и остался в поклоне, его слабое тело покачивалось, но он не смел выпрямиться.

Лю Чжэчжи не хотел неприятностей. Он боялся лишних хлопот и не любил общаться с людьми. Он лишь хотел, чтобы они поскорее ушли. К тому же, он был бессилен и должен был защитить Змейку, поэтому ему приходилось подчиняться.

Но Мо Янь не мог этого вынести.

Он мог терпеть такое отношение только от Лю Чжэчжи, ведь тот был его самым уважаемым заклятым врагом. Но от других — никогда. Он был высокомерен и скорее умер бы, чем покорился.

Не кланяйся, встань!

В крайнем случае, погибнем вместе! Я взорву свою божественную душу и убью их! Ты только выпрямись!

Если будешь так унижаться, когда это кончится? Когда они заберут у тебя все сокровища, они станут ещё наглее! Ты что, хочешь, чтобы тебя сделали человеком-сосудом?!

Он не мог говорить, поэтому снова принялся теревить зубами грудь Лю Чжэчжи, выражая своё недовольство. Лю Чжэчжи невольно вздрогнул, и это слабое движение заметил Бай Цю.

— Наставник, велите старшему брату-ученику встать. Он ведь так слаб.

Бай Цю был любимым учеником Дуань Чэнцяня, да и всей Секты Цянькунь. Дуань Чэнцянь почти всегда его слушал. Услышав его слова, он тут же велел Лю Чжэчжи встать и с укором добавил:

— Посмотри на своего младшего брата-ученика, как он о тебе заботится. А ты, как старший брат-ученик, совсем его не жалеешь.

Слова были сказаны намёками, но все трое прекрасно поняли, что значит «жалеть». Он снова помогал Бай Цю выпрашивать сокровища, надеясь, что Лю Чжэчжи безропотно их отдаст.

Лю Чжэчжи молчал, как и всегда. Он молча достал несколько сокровищ и отдал их Бай Цю. Он уже привык к этому.

Бесхребетный! Где твоя смелость?

Где твои методы мучения?

Мо Янь чуть не умер от злости. Он переполз на другую сторону и укусил его за правую грудь.

Если так будет продолжаться, они станут ещё наглее!

Найди предлог и забери их обратно, быстро! Иначе я тебе их откушу!

<http://bllate.org/book/16980/1584940>